

DOI 10.23683/2415-8852-2018-2-7-18

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА»

Инга Видугирите – доктор гуманитарных наук, доцент Вильнюсского университета (Литва), атташе по культуре Посольства Литвы в России (Москва). Литературовед, исследователь творчества Н.В. Гоголя. Автор монографии «Географическое воображение. Гоголь» (2015).

В этом номере Р&I специалист по географическому воображению Инга Видугирите рассказывает о Вильнюсе-городе и Вильнюсе-тексте, о «тоске по Италии» Гоголя, о шуме мегаполиса по имени Москва. Беседовала Екатерина Максимова.

Сегодня Вы живете на два города – в Вильнюсе и в Москве. Вы этот биографический опыт анализируете с учетом вашего научного интереса – с позиций географии и географии критики?

Уже год, как я живу в Москве и иногда приезжаю в Вильнюс к семье. Я ощущаю это передвижение и много об этом думаю. Речь не только о моем физическом присутствии в одном или другом месте. Это не просто координаты, но в большей степени – разные психологические и эмоциональные состояния. Место влияет на все – на то, как я думаю, на что обращаю внимание. Географические исследования связаны как раз с этими вопросами на стыке антропологии и философии. Что касается моей главной научной темы в области русской литературы, то там я занималась географическим воображением романтизма. А география критики вырастает из постмодернистской философии и опыта XX и XXI вв.

Литературоведы привыкли говорить о художественном пространстве, которое якобы создается автором для того, чтобы поместить туда сюжет, заселить его героями и прочее. Характеристики этого пространства изучаются, но именно как пространства художественного, которое не имеет отношения к пространству географическому, к координатам вне текста. С книгой Франко Моретти

«Атлас европейского романа» (1998) произошла смена парадигм. Я считаю эту работу не только первым, но и самым сильным – простым, доходчивым, убедительным – высказыванием о том, каким образом пространство влияет на текст. Моретти изучает романы Джейн Остин и говорит, что писательница фактически показывает, как появилась Британия, как посредством романских сюжетов из довольно раздробленной страны выросла единая нация. То же самое с Лондоном Диккенса или Парижем Бальзака, городами, в свою очередь, создававшими сюжеты. Но сегодняшний интерес ко всему параклудическому – это общая тенденция. Из того же ряда интерес к нон-фикшн.

Связь человека с пространством сегодня в фокусе внимания еще из-за того, что люди в современных развитых странах стали много путешествовать. И этот опыт активно осмысливается. Например, я живу в Москве, иногда приезжаю в Вильнюс и по работе езжу в довольно удаленные места России. Недавно была на Урале. Огромное пространство я перелетаю за два – три часа. Что я успеваю понять? «Так, я в этом городе, а теперь в этом, а теперь вот в этом». Но я совершенно не знаю, что между ними.

Нормальное состояние человека, живущего в эпоху навигатора. Думаю, мы все это ощущаем в разной степени. Пространство, которое

должно быть соизмеримо с опытом тела, превращается в еще одну виртуальность.

Да, Россия для меня – это карта. Чеслав Милош писал, что, будучи в изгнании в Париже, он старался первые месяцы ходить одним-единственным путем, одним маршрутом, чтобы привыкнуть к городу и стать его частью. В Москве со мной было нечто подобное. Но сейчас я начинаю привыкать, образуются какие-то маленькие привязанности к этому пространству. Признаться, сначала я думала, что такое невозможно. Мне было очень трудно от шума города, от широких улиц, потоков машин. Все это казалось невыносимым, но теперь, когда возвращаюсь из поездок в Москву, мне этот шум кажется своим, как будто я его часть.

Такие вещи нельзя понять из рассказа, их можно только освоить, сделать опытом тела. Помню, я ездила на конференцию в Ростов-на-Дону и мне очень хотелось увидеть степь. Любопытно, мне казалось, что это очень просто. Ну, что там – вышел из поезда, вот тебе и степь. А оказалось, что это как горы – туда нужно собираться, покидать цивилизацию, это целый сюжет. Я так туда и не попала, издалека взглянула на что-то похожее.

Есть еще одно распространенное заблуждение о степи, что это дружественное пространство для челове-

ка, в отличие от леса или гор. Хотя Чехов предупреждал нас, что тот, кто провел две ночи в степи, может уже ничего не бояться.

В историческом исследовании Дэвида Муна о российских и украинских степях «Плуг, который разрушил степь» автор делится впечатлением о том, что в степи случается что-то вроде головокружения: глазу не за что зацепиться в этой беспредельности, и пространство кажется двухмерным, другие говорят об эффекте безграничного моря. Да, похоже, Чехов близок к истине, природа там приоткрывает свой ужасный лик. Я сейчас немного иронизирую и драматизирую, но мысль та же. И иногда с этим страшным ликом природы полезно встретиться. Потому что человек очень себя переоценивает, когда живет в наивной вере в свои силы. Человек несопоставим с бездной природы, рано или поздно она нас поглотит. Кстати, в «Новом литературном обозрении» готовится второе издание моей книги «Географическое воображение. Гоголь», для него я дописала эпилог о географическом воображении в русской литературе. Да, у Гоголя природа воспринимается в романтическом ключе, согласно которому человек гармонично сливается с природой, он ее часть. Но вот сразу после Гоголя и наследуя его поэтику, выступает Тургенев, и у него уже открывается эта бездна природы – глухая, немая, абсолютно чуждая человеку.

**Говорят, что глаз путешественни-
го по России европейца первым де-
лом подмечает пропасть между рос-
сийскими столицами и регионами,
и в этом чуть ли не главное отличие
России от европейских стран.**

Начну с того, что я не попадаю в самые удаленные российские города, в основном передо мной города-миллионники. Моя самая далекая точка на сегодня – Тобольск. Может быть, поэтому я не похожа на этого стереотипного европейца. Пока я не увидела пропасти. А тому, что я видела, например, в Екатеринбурге или Тюмени, неплохо бы поучиться даже Москве.

В смысле близости к власти, прозрачно-сти официальных отношений. Не говоря уже о том, сколько я там встретила энергичных, прогрессивных людей. В Тюменском университете есть школа перспективных исследований, где работают преподаватели со всего мира. Там очень здорово, дизайн пространства решен в скандинавском стиле, замечательные специалисты. Это школа, о которой и в Москве, и в Вильнюсе только мечтать. В Екатеринбурге замечательные большой Ельцин Центр и маленький музей фотографии «Дом Метенкова». В Ростове-на-Дону в Южном федеральном университете на меня произвела впечатление кафедра теории и истории мировой литературы. Люди, амбиции, проекты – все это по-настоящему воо-

душевляет. Конечно, в России такого должно быть больше. У России, в сравнении с Литвой, невероятные ресурсы. А вот их распределение... Но об этом вы сами все знаете.

**Расскажите немного о том, как устроена
Ваша работа сегодня. Как Вы
сами для себя формулируете свою
миссию в качестве атташе по культу-
ре Литвы в России?**

У Литвы 13 атташе по культуре. Министерство культуры посылает нас в разные страны – Германию, Италию, Францию, Польшу, Англию, Израиль, США, Китай, Брюссель, Скандинавские страны, Украину. И двое в России – в Москве и Калининграде. К Калининграду у нас особое отношение, мы ментально привязаны к этой земле. Калининградская область – это бывшие территории Пруссии, а до этого балтские земли, и пруссы по происхождению – балтийское племя. В целом вся современная литовская культура – оттуда, там был переведен наш первый катехизис, там могилы наших больших деятелей культуры. Это сильная ментальная привязанность. А я – одна на всю Россию. Так что это какая-то необъятная, созданная для титанов работа, работа с целью популяризации и продвижения литовской культуры в России. В основном, это работа в сфере культуры и немного в сфере науки. Как я вижу свою цель? Для меня важно

найти контакты с молодыми людьми и новыми, молодыми организациями, не с истеблишментом. Сделать интересным молодое и новое литовское, а не эксплуатировать литовское, давно известное в России. Ведь в России есть стереотипный образ Литвы, он замешан на опыте советского времени. Но сегодня мы видим очень большой отрыв от прошлого; выросло целое поколение людей, которые уже не понимают, что это за соревнование между русской и литовской культурой за Чюрлёниса. Да, есть Балтрушайтис, известный как поэт Серебряного века и первый посол независимой Литвы в России. Есть плеяда актеров, игравших в советском кино, горячо любимых русским зрителем. Помню с детства шутку о трех русских богатырях – Банионисе, Будрайтисе и Адомайтисе. Есть театр Някросюса и театр Туминаса. Это современное литовское, у него сильные позиции, но оно коренится в прошлом. А ведь после этого Литва продолжает жить и живет уже своей, новой жизнью. Много интересных молодых художников, писателей, драматургов, режиссеров. Недавно в театре «Практика» литовский режиссер Тадас Монтримас поставил пьесу литовского драматурга, молодой женщины Текле Кавтарадзе. У них очень здорово все получилось, они хорошо прозвучали. Но Монтримас учился у Виктора Рыжакова, так что он фактически «российский продукт».

Хочется познакомить Россию с новой Литвой, и кстати, это довольно трудно сделать в Москве. В этом городе много всего – концертных залов (и при этом они все заполнены), мероприятий (люди иногда выбирают из пяти – десяти на один вечер). Сложно просто пригласить людей на мероприятие, если у них нет какого-то особого интереса. К тому же местная культура настолько мощная, со своими привычками потребления искусства и культуры, что посягать на эти привычки – отдельный вызов. Думаю, что достучаться до молодых, которым часто претит истеблишмент, можно только с чем-то живым и настоящим.

А где этот живой дух веет в сегодняшней Литве? В какой области происходят прорывы, о которых надо говорить, которые стоит продвигать?

В первую очередь это современное изобразительное искусство. Правда, это молодое искусство в сегодняшнем глобализованном мире часто базируется вовсе уже и не в Литве. Художники-кочевники в постоянном передвижении, они задействованы в разных проектах по всему миру. Кстати, отличный материал для геокритического исследования. Жильвинас Кемпинас, узнаваемый благодаря своим пространственным инсталляциям, живет в Нью-Йорке, но счи-

тает себя литовским автором, так себя позиционирует, его выставки проходят и в Америке, и в России, и в Литве. Пожалуй, самый известный современный литовский художник, точнее видеохудожник, фиксирующий историю, Деймантас Наркявичюс, скульптор по образованию, тоже долгое время жил за границей, но вернулся в Литву. Интересны не только представители современного искусства – есть молодой литовский театр, литература, музыка, опера, танец, кино, особенно документальное. Недавно в Вильнюсе было большое событие – открылся Музей МО (Modern Art Museum) – первый частный музей, в котором собрана коллекция работ художников с середины XX века до дня сегодняшнего. Само здание музея тоже арт-объект, его построил известный архитектор-деконструктивист Даниэль Либескинд.

У Вас как минимум два ценных «географических» опыта. О первом мы уже сказали – это переход от «доцифровой» к цифровой реальности, а второй – жизнь в двух разных странах – Советском Союзе и Литве. Инга, скажите, Вы советский человек?

По происхождению – да. Но, конечно, это не моя самоидентификация. Но да, я закончила советскую школу, если точнее – была травмирована советской школой.

В каком смысле?

В том смысле, что Россия и Литва разные. Это не плюс и минус, а просто разные. При этом, когда чужое и непонятное тебе не навязывается, а ты сам это выбираешь, то это воспринимается как новое, как челлендж, как приятный вызов. Сегодня мои дочери в восторге от России. Им очень нравится в Москве, потому что это большой город, настоящий мегаполис. И потому, что все «не как в Литве». Огромная масса людей и такое расовое разнообразие, о котором в Вильнюсе нет и речи. Или огромное метро, сама эта возможность покрывать гигантские пространства быстро и легко. К интернету в городе можно подключиться почти везде. Еще их очень впечатлил «Москвариум». Еще бы, белый кит выплывает и показывает свои трюки. Дикая природа приближается к тебе «лицом к лицу».

Хорошо, Россия и Литва – разные, своего рода гетеротопии друг для друга. Значит, советский Вильнюс и Вильнюс сегодняшний – две разные карты, два разных текста. Этот вильнюсский палимпсест становился для Вас предметом специальной рефлексии?

Кстати, я начала об этом серьезно думать, только живя в Москве. Хотя в Литве у нас был общий с географами большой научный

проект – картографирование вильнюсских романов. Там были романы, очень точные топографически, детально отображающие пространство, вплоть до названий, которые мне лично были известны, потому что авторы этих романов близки мне по возрасту. Но у меня есть студентки, которые младше меня на 15–20 лет. Меня поразило, что они всех этих реалий не знали. Не в смысле, какой ужас, они не знают, а в том смысле, что город настолько изменился, что этот опыт не передался им родителями, не закрепился и не оставил следов. Ведь это всего одно поколение, а Вильнюс – очень маленький город. Москву, понятно, никогда не изучить, здесь можно прожить всю жизнь, и все равно останется что-то, чего ты не знаешь. А Вильнюс можно обойти пешком.

Я помню большие плакаты с портретом Ленина на тогдашнем Ленинском проспекте, сейчас это проспект Гедиминаса – князя-основателя города. Я бы сказала, что в советское время Старый город, а он довольно большой в Вильнюсе, никак не был отмечен, не был местом притяжения. Сегодня это место тусовки, где жизнь кипит на протяжении всей ночи, кругом бары и рестораны. В советское время ничего этого не было. Попробуй найти кафе. Хотя приезжавшие из России все равно говорили: «Как у вас много кафе!» Но если сравнить с сегодняшним городом – пустота. И вообще – пустота, после 21:00 город был пуст.

Да, воспоминания о советском и о нынешнем Вильнюсе для меня как разные картины, как разные сны. Но возвращение и в тот, и в другой (в один мысленно, в другой наяву) – это как возвращение в рай. Настоящую связь с городом начинаешь ощущать, когда она прерывается. Но Вильнюс – гораздо больше, чем два города.

Не так давно у нас в посольстве показывали фильм о вильнюсском гетто и о выжившей тогда вильнюсской девочке Марии Рольникайте. Она стала писательницей и общественным деятелем и умерла не так давно в возрасте 88 лет. Я до сих пор под впечатлением от этого фильма. Так вот в Вильнюсе до Второй мировой войны 40 % населения были евреи. И еврейской частью города был центр, охватывавший много кварталов. Остальная часть населения – поляки, литовцы и русские. И, конечно, это был совсем другой город, с совершенно другой культурой. Это сразу видно, если просто посмотреть фотографии тех лет. После войны этот город исчез, и появился литовский Вильнюс. И литовской культуре потребовалось несколько десятилетий, чтобы этот новый город вошел в художественное сознание. Примерно на рубеже 1990-х появились писатели, авторы городских романов, которые начали писать новый вильнюсский текст. Мне эта тема интересна, я как-то даже писала статью по этому поводу. У Топорова есть понятие «петербургский текст русской литературы». Потом

его все взяли на вооружение, и понятие «городской текст» словно потеряло свои границы. Что написано о городе – то и городской текст. Но ведь на самом деле Топоров определил четкие границы петербургского текста. Владимир Николаевич мистифицирует, но мыслит строго. Главное там то, что литература была связана с историей города, что петербургский текст невозможен без Петербурга. Первое произведение петербургского текста – «Медный всадник», и это ответ жесту Петра построить город на болоте, это ответ истории, историческое высказывание.

Если пользоваться постмодернистским языком, петербургский текст – это когда текст мира и мир текста находятся в таких отношениях, что одновременно творят и подпитывают, дописывают и переписывают друг друга?

Да, так. А пока этого нет, город – всего лишь одна из тем. И есть петербургский текст, а есть тексты о Петербурге. В этом смысле вильнюсский текст литовской литературы появляется только в конце XX века.

Почему Гоголь?

Из-за барокко. Это ведь была такая чуть ли не запрещенная тема в Советском Союзе, во всяком случае, «тема на периферии». После

перестройки у нас в Литве о барокко начали писать очень много и подробно. Вильнюс – это барочный город, выстроенный на средневековом фундаменте, и его барочный дух ощущается и сегодня. А потом в моей жизни был такой период, когда, будучи сотрудником кафедры славянских литератур Вильнюсского университета, я читала курсы по истории разных славянских литератур, не являясь каким-то невероятным специалистом в этом вопросе, но делая это очень ответственно. Так я встретила украинское барокко, которое меня совершенно очаровало. Во-первых, оно какое-то «наше», видимо, польское влияние сказалося. А потом вдруг я для себя открыла «Размышления о Божественной Литургии», последнее произведение Николая Васильевича Гоголя. Через барокко я вышла к пейзажу Гоголя. Хорошо помню разговор с моим другом-географом, специалистом по культурной географии. «– Важно ли, что Гоголь описывает пейзаж чуть ли не географическими терминами или я преувеличиваю его географическую сторону? – Конечно, это не случайно, и это очень важно». Так ответил мой друг-географ, благословляя меня на эти исследования. Гоголь интересен тем, что это своеобразное причащение русской культуры к традиции европейского романтического географического воображения.

Гоголь – русский писатель? В том смысле, что если Ваши дети скажут:

«Хотим почитать эталонного русского писателя, хотим понять русских», Вы посоветуете им Гоголя?

Нет. Посоветую Пушкина или Достоевского, который соединяет линии Пушкина и Гоголя. А Гоголь в этом смысле не очень русский. Конечно, он уникален именно в русском языке, вся его работа – это работа с русским языком. Тут он русский, но как человек он украинец. Он очень южный, просто вспомните, как он любил Италию. Мне кажется, он и умер оттого, что не смог зимой уехать из Москвы.

Эйхенбаум открыл «звуковую семантику» Гоголя, сказал нам что-то вроде «слушайте Гоголя», Лотман настроил оптику, дал «раскадровку» повестей и сказал что-то вроде «смотрите Гоголя». А «про что» Гоголь для Вас? Когда Вы читаете Гоголя со студентами, как настраиваете их оптику?

Для меня Гоголь в первую очередь про смешное. Он мне очень близок своим чувством юмора. Не в том смысле, что у меня подобное чувство юмора. И в помине нет. Но я его люблю за то, что он меня веселит. Кстати, я попыталась своим дочерям почитать то, что для меня интересно и смешно, и знаете, им это оказалось не интересно и не

смешно. Потому что они не знают русского? Да, они не знают, но на литовский язык Гоголь очень хорошо переведен. На самом деле, это практически так же хорошо и так же смешно, как и на русском. Думаю, здесь другое. Филолог быстро влюбляется в чтение Гоголя. И это ловушка. Когда начинаешь углубляться в текст Гоголя, работать с ним филологически, уже не очень-то понятно, это Гоголь вам так нравится или нравится все то, что вы «понимаете для себя» в его тестах. И Эйхенбаум нас в эту ловушку приглашает, показывая, как там смешно и хорошо, как тонко это сделано, расшифровывая для нас текст.

Ну, да. «Несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу», занимался «довольно удачно починкой панталон и фраков».

Правильно, на это мне тоже указал Эйхенбаум, потому что никто не учил меня читать Гоголя всерьез, и в школе нас учили, что «Шинель» – это про маленького человека. И я студентов всегда переучивала читать Гоголя, боролась с этой традицией восприятия. Но сегодня я тоже испорченный читатель Гоголя, ведь если я занимаюсь географическим воображением, то автоматически ищу в Гоголе пейзажи и географию. Получается, что чтение во вред Гоголю. Но это и понятно, все профессионалы смотрят на текст

через собственные фильтры. И, к сожалению, это уже не эстетическое восприятие, а профессиональное. Многие смешное проходит мимо, как серенькая кошечка Пульхерии Ивановны, которая «слишком свыклась с хищными котами или набралась романтических правил, что бедность при любви лучше палат» и убежала в окошко. Или, помни-

те, в финале «Старосветских помещиков», когда старики уже почили, приехал наследник, дальний родственник и «страшный реформатор». Бросился наводить порядок и «так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку». Замечательно.

“SELECTED PLACES”

Inga Vidugiryte-Pakeriene – PhD, Associate Professor at Vilnius University (Lithuania), a cultural attaché at the Lithuanian Embassy in Russia (Moscow).

Literary scholar at the field of geocriticism and Nikolay Gogol’s writing. The author of the monograph “Geographical Imagination. Gogol” (2015).

In this issue of P&I a geocriticism scholar Inga Vidugiryte-Pakeriene speaks about difference between Vilnius as a city and Vilnius as a text, reflects on Gogol’s “longing for Italy”, and shares her experience of noisy Moscow megapolis. The interview was conducted by Ekaterina Maksimova.

